

DOI 10.32726/2411-3417-2023-3-72-82

УДК 94(47)

Надежда Аурова

Вторжение Наполеона в Россию в восприятии русского общества

Аннотация. Статья посвящена восприятию наполеоновского нашествия в разных слоях русского общества. Отмечая воздействие манифестов Александра I, обнародованных в связи с вторжением Наполеона в Россию, автор рассматривает различные формы проявления и многочисленные яркие примеры патриотического подъема, охватившего все общество. Приводятся данные о настроениях всех сословий, в частности дворянства и духовенства, общенародных пожертвованиях на нужды борьбы с неприятелем, действиях ополчения и партизанских отрядов, об обстоятельствах сдачи Москвы и ее разграблении оккупантами. Особое внимание уделяется отражению и осмыслению событий Отечественной войны 1812 г. в воспоминаниях ее участников, появлению первых историко-географических работ, освещению той эпохи в художественной литературе.

Ключевые слова: вторжение Наполеона, русское общество, патриотизм, дворянство, духовенство, ополчение, пропаганда, церковные службы, партизаны.

Весть о вторжении Наполеона в пределы России вызвала возмущение всего русского народа. Представители разных слоев русского общества, отзываясь на призыв Александра I, были готовы отдать для защиты Родины свою жизнь и все, что они имели. Дворянство поддержало Полоцкий Манифест Александра I от 6 июля 1812 г. о сборе земского ополчения, в котором государь назвал дворян «Пожарскими» и «спасителями Отечества».

С самого начала войны особенно ярко проявили себя дворяне Смоленской губернии. Движимые патриотическими чувствами, они обратились к Александру I с прошением вооружить за счет губернии двадцать тысяч ратников. Верность традициям русского воинства в защите независимости Отечества звучит в словах смоленского дворянина Оленина: «Мы помним заветное слово Суворова и слабый мой голос повторит его отклик: легкие победы не льстят сердце русское» [Жаринов, с.174]. Вокруг Смоленска был осуществлен крестный ход с чудотворной иконой Смоленской Божией матери. По свидетельству А.П. Ермолова, «невозможно было изъять ни более ненависти и злобы к неприятелю, ни более усердия к нам: жители предлагали содействовать, не жалея собственности, не щадя своей жизни» [Там же].

Сведения об авторе: Аурова Надежда Николаевна — старший научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН, кандидат исторических наук, aurova-nn@yandex.ru.

Патриотический подъем проявился в многочисленных пожертвованиях на нужды армии в масштабе всей России. По сводной ведомости пожертвований Министерства финансов, составленной 23 марта 1834 г., общая сумма добровольных взносов населения на нужды ополчения в 1812 г. составила 57 361 000 рублей [Кутузов, с. 690, 699]. Эта не точная цифра, так как не все пожертвования были учтены. Так, не была отмечена материальная помощь жителей Смоленской и ряда других губерний. По данным, приводимым С.Б. Окунем, пожертвований было не менее 60 млн рублей; по мнению М.И. Богдановича, общая сумма пожертвований достигала 100 млн рублей [Историческая... с. 46].

Ярославский губернатор сообщал, что «все сословия Ярославской губернии ознаменовали 1812 год... чрезвычайными усилиями на защиту Отечества. С прямым усердием и рвением посвящали они и себя, и достояние свое» [Там же, с. 47]. Ярославская губерния как тыловая в сентябре — начале октября 1812 г. приняла огромное количество беженцев. Во второй половине августа 1812 г. в связи с приближением неприятеля к Москве руководством Московского университета была предпринята попытка подготовить эвакуацию учебного заведения в Ярославль. 17 августа попечитель Московского учебного округа сообщил директору училищ Ярославской губернии (и одновременно директору ярославской гимназии) Н.Ф. Покровскому о возможном перемещении Университета в Ярославль. Предполагалось эвакуировать не только имущество и учебное оборудование, но и профессорско-преподавательский состав [Дутов, с. 140–141]. После вступления французов в Москву Н.Ф. Покровский получил прямую инструкцию о размещении всех чиновников и вещей университета в ярославской гимназии. Об этом был уведомлен и ректор Московского университета И.А. Гейм. (Как известно, эвакуация Московского университета не состоялась.) В Ярославле нашли приют учителя — беженцы из Тверской, Московской и других губерний. С разрешения Н.Ф. Покровского им была оказана материальная помощь из гимназических сумм в счет тех учебных заведений, где они прежде работали.

Из Москвы в Ярославль перебрались многие известные семейства — Вяземских, Соллогубов, Воронцовых, Толстых, Юсуповых, Волконских, Строгановых. С конца августа 1812 г. здесь жили жена и дочь Н.М. Карамзина. В одном из самых престижных домов Ярославля в течение двух месяцев прожила семья Московского генерал-губернатора Ф.В. Ростопчина [Там же. С. 142].

В монастырях Ярославской губернии нашли приют монахи и монахини московских обителей. Во всех церквях ярославской епархии в годы войны существовал так называемый кружечный сбор, проводившийся во время богослужений. Собранные этим путем деньги шли на помощь больным и увечным воинам и членам их семей [Там же, с. 144].

В Ярославле располагался Главный военный госпиталь. Раненые находились на излечении в «Доме призрения ближнего», построенном А.П. Мельгуновым в 1786 г. Его воспитанники — 110 человек — были переведены в Вологду. Для нужд госпиталя

было выделено 500 сажень дров для отопления, 2000 пудов свежей сухой соломы для постелей больных. Был проведен ремонт окон с заменой стекол. Городская дума на своих заседаниях держала под контролем соблюдение необходимых условий для содержания и излечения больных и увечных раненых [Там же, с. 141].

В Ярославской губернии по призыву княгини Репниной создали филиал Женского патриотического общества. Общество было призвано оказывать помощь пострадавшим от войны, а также женам и детям, чьи мужья и отцы, находившиеся на войне, не могли их содержать. За январь — февраль 1813 г. было собрано 7566 рублей. В пользу общества жертвовались как деньги, так и провиант, различные товары, продававшиеся с торгов. В последнем случае деньги, вырученные за продажу товаров, поступали в фонд общества.

Ярославль стал одним из центров, где по распоряжению М.И. Кутузова формировался резерв русской армии. Уже в сентябре 1812 г. по его приказу здесь находилось 13 тысяч рекрутов. Позднее их число было доведено до 24 тыс., из которых было сформировано 24 батальона [Там же, с. 145].

В Тамбовской губернии проводилась подписка на нужды обороны, жители организовали сбор лошадей и волов и отправку их к Москве. Ими была сформирована Тамбовская охранительная стража. Не ограничиваясь этими мероприятиями и пожертвованиями, местное население сформировало Тамбовский полк [Дубасов, с. 8].

Из населения Вологодской губернии собрали отряд в 600 стрелков-охотников, который в августе 1812 г. на подводах был отправлен в Петербург для присоединения к ополчению. О патриотизме вологжан свидетельствуют и ведомости сбора пожертвований — по губернии было собрано 21 447 рублей 83 копейки [Цит. по: Историческая...].

18 июля 1812 г. был обнародован Манифест Александра I о составлении временного ополчения. Народное ополчение формировалось по трем округам: 1-й — для обороны Москвы, 2-й — для обороны Петербурга и 3-й — для составления резерва. Первый округ был назначен для защиты Москвы; в его состав вошли до 122 тыс. человек. Второй округ, назначенный для защиты Санкт-Петербурга, состоял из жителей Санкт-Петербургской и Новгородской губерний, всего до 24 тыс. ратников. Третий округ, составлявший резерв для первых двух, состоял из ратников шести губерний в количестве 64 тыс. человек. Ратники ополчения были сведены в пешие и конные полки и дружины, делившиеся на батальоны, сотни и десятки. Ополчение было обмундировано, снаряжено и вооружено дворянством, которое обеспечивало ополчение продовольствием в течение трех месяцев. Начальникам ополченных частей жалованья не платили, офицерам только некоторых губерний из местных средств были выданы единовременные пособия, ратники получали жалованье [Лобов, с. 47].

Патриотический порыв наиболее ярко проявил себя в партизанском движении, развернувшемся с момента вторжения неприятеля. Известны случаи, когда дворя-

не-помещики вооружали своих крестьян и становились во главе отрядов. В дневнике Л.А. Лесли рассказывается о смоленском дворянине Михаиле Викентьевиче Глебицком-Иозефовиче, который, «собрав необыкновенно скоро людей — молодцов из дворовых и крестьян, вооружил их всех по-конному. Люди ... шли с удовольствием служить со своими господами, которые оставались их начальниками» [Рассказы... с. 374]. По данным, приводимым в исторической литературе, партизанских отрядов из крестьян было во много раз больше, чем армейских партизанских отрядов [Гросул, с. 49]. Только на Смоленщине таких крестьянских отрядов было до 40, общей численностью примерно 16 тыс. человек [Троицкий Н.А. 1812... с. 233]. Крестьяне графа Владимира Орлова-Денисова в Калужской губернии «составили из себя ... корпуса и страшны сделались всем неприятельским партиям... следствием сего мужества наших крестьян деревни расстоянием в 20 верстах от большой Можайской дороги остались целы и сохранили до последнего снопа хлеба» [Листовки... с. 59].

Значительный вклад в борьбу с Наполеоном внесла Русская православная церковь. В воззвании Святейшего Синода, последовавшем за Манифестом Александра I, духовенству предписывалось укреплять людей в вере, отвращать их от вражеской пропаганды и призывать к участию в организации и деятельности ополчения [Мельникова. Церковь... с. 70]. Прихожане призывались к исполнению священной обязанности «принять оружие и щит» и «охранить веру отцов». Основные положения, изложенные в этом воззвании, — о справедливой войне в защиту Отечества, благословляемой Богом, о Наполеоне как враге России и Православной церкви, о важной миссии, возложенной Богом на Россию, которой предназначено остановить завоевания Наполеона и освободить Европу, — нашли свое отражение в речах, проповедях и молитвах священнослужителей, обращенных к армии, ополчению и народу [Там же, с. 70]. Эти призывы использовались в патриотической пропаганде и светскими лицами.

С начала Отечественной войны 1812 г. в проповедях, молебнах и церковных обращениях к народу вновь стали активно применяться библейские образы нечестивых и безбожных правителей и героев, типологически связанных с антихристом: Каина, Фараона, Амалика, Голиафа [Историческая память... с. 58].

В период военных действий священники также совершали богослужения и требы, влияли на свою паству пастырским словом и примером. По формулярным спискам, приказам о награждениях священнослужителей, выявленных Л.В. Мельниковой в архивах Синода и РГВИА, в Отечественной войне и заграничных походах участвовали 200 священников (из 240, состоявших в 1812 г. в ведомстве армейского духовенства) [Мельникова. Церковь... с. 59]. Обязанность полкового священника быть неотлучно при войске во время сражений требовала большого мужества и самоотверженности. За всю войну от ран погибло до 50 полковых священников. В рапортах о награждении полковые командиры неоднократно упоминали, что священники пользуются всеобщим уважением офицеров и нижних чинов. В 1812 г. орденом Святого Георгия Победоносца 4-го класса был награжден впервые в истории России и единственный за всю Отечественную войну священнослужитель — священник 19-го егерского полка Василий Василь-

ковский [Там же, с. 102–105]. В боях за Малоярославец о. Василий, «находясь впереди полка с крестом, своим наставлением и примером мужества поощрял солдат поражать врагов и умирать бесстрашно за веру и Государя». Раненный в голову, он был вынесен с поля боя.

Известен также подвигами полковой священник Кавалергардского полка протоиерей Михаил Гратинский, находившийся в полку с 1806 г. вплоть до Отечественной войны. После Бородинского сражения он отправился для обновления изношенной церковной ризницы в Москву, где был захвачен в плен французами и оставался в городе во время пребывания в нем неприятеля. Несмотря на унижения, протоиерей Михаил Гратинский смог добиться у французов разрешения служить в одной из московских церквей. Так, 15 сентября (в день венчания на царство императора Александра I) в церкви св. Евпла на Мясницкой улице отец Михаил в присутствии оставшегося в Москве населения совершил Божественную литургию и молебен с коленопреклонением. С этого дня до самого выступления французов из Москвы и в присутствии неприятеля возносил молитвы о победе русского оружия. После оставления неприятелем Москвы протоиерей Михаил Гратинский вернулся в свой полк, в котором служил до 1822 г. За доблестные заслуги Александр I наградил протоиерея Михаила Гратинского орденом Святой Анны 2-й степени.

О священнослужителях, отличившихся в период оккупации наполеоновскими войсками Москвы, можно узнать из сведений, собранных московским генерал-губернатором Ф.В. Ростопчиным, а также из «отношения» главноначальствовавшего Экспедицией кремлевского строения и Оружейной палатой П.С. Валуева викарию Московской епархии, епископу Дмитровскому Августину. Целый ряд священников были позже награждены Синодом за проведение в оккупированной Москве православных богослужений, которые, по словам Ростопчина, «преобразили смиренных поселян в мужественных защитников блаженного Отечества нашего — принявших смерть за веру и верность»¹, а также за сохранение заблаговременно спрятанных от французов церковных ценностей [См.: Мельникова. Московская...; Топычканов].

Немало священников и священнослужителей вступило в 1812 г. в ополчение и находилось среди партизан. Некоторые были организаторами и руководителями партизанских отрядов. Так, в Московской губернии во главе одного из крестьянских партизанских отрядов встал священник Верейского Рождественского собора Иоанн Никифорович Скобеев. При штурме г. Вереи он собрал тысячу крестьян Вышегородской волости и срыл на Земляном валу укрепления французов, «изыскал во многих домах скрывавшихся неприятелей, сжег неприятельские ворота, фуры и брички» [Мельникова. Церковь... с. 88–89]. По просьбе генерал-майора И.С. Дорохова о. Иоанн собрал 500 конных вооруженных крестьян, которые усилили его корпус, и подготовил семь подвод для раненых воинов. Партизанскими подвигами отличился также дьяк села Рюховского Волоколамского уезда Московской губернии Василий Григорьевич

1 РГИА. Ф. 797. Оп. 2. Д. 4908. Л. 1–2.

Рагузин, организовавший из 500 крестьян воинский отряд, успешно защищавший от неприятеля окрестные селения. Не ограничиваясь партизанскими набегами, Рагузин нес разведывательную службу. За подвиги в Отечественной войне он был высочайше награжден серебряной медалью, учрежденной в память войны 1812 г., и получил 400 рублей ассигнациями [Там же, с. 112].

Чуркинский архимандрит Евгений, выступивший перед жителями Астрахани с приглашением к сбору пожертвований, но не довольствуясь тем, что удалось собрать значительную сумму, сам решился встать в число братьев милосердия и отправиться на войну. Только уговоры монаха Болдинского монастыря Ардалиона заставили его отказаться от этого намерения. Монах Ардалион попросил архимандрита Евгения отпустить его вместо себя и, получив благословение, с партией ополченцев отправился в Москву.

Русские войска покидали Москву в ночь на 2 сентября 1812 г. Накануне вечером по улицам промчались посланные М.И. Кутузовым верховые, предупреждавшие население криком: «Спасайтесь! Спасайтесь!» М.А. Милорадович, командовавший арьергардом русской армии, через подчиненного передал письмо Кутузова к маршалу Бертье, в котором оставшиеся в Москве больные и раненые поручались покровительству французского командования. При этом Милорадович выдвинул условие, чтобы французские войска не входили в город, пока из него не вывезут обозы и не выйдет арьергард, в противном случае пригрозил сжечь Москву. (С такими же заявлениями выступал и С.Н. Глинка, считавший, что «если над Москвою ударит роковой час, то подобно афинянам, обрекшим пламени Афины при нашествии Ксеркса, и мы, сыны России, не усомнимся подвергнуть Москву такому же жребию» [Глинка. Записки... с. 81]). Наполеон согласился с этими требованиями. В Москве оставались многие раненые, прибывавшие сюда из-под Витебска, Смоленска, Бородина. Не успели вывезти до 22,5 тыс. раненых [Троицкий Н.А. 1812... с. 190–191]. Во французских источниках упоминается о русских солдатах и офицерах, отставших от армии и оставшихся в Москве. Согласно данным участника тех событий и автора известной книги о походе Наполеона в Россию Ф.-П. Сегюра, их насчитывалось примерно 10 тыс. (позднее многие из них сумели скрыться и воевали против французов).

В горящей Москве в сентябре 1812 г. среди раненых и взятых в плен французами оказался поручик Авраам Сергеевич Норов — будущий министр народного просвещения. А.С. Норов учился в Московском благородном пансионе, но, не окончив курса, в 1810 г. поступил юнкером в гвардейскую артиллерию, в 1811 г. стал прапорщиком. В 1812 г. он принял участие в действиях 1-й Западной армии под Смоленском и при Бородине. Здесь он командовал орудиями, защищая Багратионовы флеши. Об этих событиях он вспоминал много лет спустя: «<...> Неприятель, вероятно, заметил подошедшую нашу свежую батарею и принялся нас угощать, но зато и мы его не щадили, <...> я успел еще послать картечь из моего флангового орудия. Это был мой последний салют неприятелю» [Норов]. Норову оторвало ступню ноги, он был прооперирован полевым хирургом и отправлен в госпиталь в Москву. Впоследствии, оказавшись с ранеными в Голицынской больнице во время занятия Москвы французами, он был вторично

оперирован из-за начавшейся гангрены лейб-медиком Наполеона. А.С. Норов оставил воспоминания и о взрыве Кремля, и об оставлении Москвы французскими войсками во главе с Наполеоном. Воспоминания Норова о Москве после ухода французов вошли в юбилейный сборник «Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников» В.В. Каллаша.

Передает впечатления от увиденного в Москве в то время и В.А. Перовский. Находясь в арьергарде русских войск, он был 2 сентября взят в плен и через несколько дней отправлен вместе с другими пленными офицерами, солдатами, городскими жителями из Москвы в направлении к Смоленску. В «Записках» он вспоминал: «Нельзя представить себе картину Москвы в то время. Улицы покрыты выброшенными из домов вещами и мебелью, песни пьяных солдат, крик грабящих, дерущихся между собой... Пожар, грабеж и беспорядок царствовали более всего в рядах в городе: тут множество солдат разных полков таскали в разные стороны из горящих лавок платье, меха, съестные припасы...» [Перовский, с. 264]

Двадцатилетний поручик лейб-гвардии Семеновского полка А.В. Чичерин вел записи в трагические для России дни, когда русская армия отступала и было принято решение сдать Москву. Молодой офицер много раз вспоминал в своем дневнике это тяжелое время. «... Первого сентября я увидел себя у врат Москвы. Мечта отдать жизнь за сердце Отечества, жажда сразиться с неприятелем, возмущение вторгшимися в мою страну варварами, недостойными даже подбирать колоски на ее полях, надежда вскоре изгнать их, победить со славою — все это поднимало мой дух... В три часа утра приказано было выступить. Мы находились всего в двух верстах от Москвы... Когда мы шли через город, казалось, что я попал в другой мир. Все вокруг было призрачным. Мне хотелось верить, что все, что я вижу, — уныние, боязнь, растерянность жителей — только снится мне, что меня окружают только видения. Древние башни Москвы, гробницы моих предков, священный храм... — все требовало мести... Передо мной была Москва, охваченная пламенем... мрачное молчание в главной квартире, смятенные лица... Любовь к Отечеству должна заставить меня все позабыть... Я еще буду сражаться у врат Москвы... Я не утрашу никаких опасностей, я брошусь вперед под ядра, ибо буду биться за свое Отечество, ибо хочу исполнить свою присягу и буду счастлив умереть, защищая свою Родину, веру и правое дело...» [Чичерин, с. 13–14, 20]. Увы, А.В. Чичерину не удалось вновь увидеть Москву: он умер от ран, полученных в Кульмском сражении.

Свидетелем «пламени, пожирающего великолепные здания опустелой Москвы» был Маркиан Андреевич Войнов — штабс-капитан Александрийского гусарского полка, участник наполеоновских войн 1805–1807 гг. и Отечественной войны 1812 г. [Биография или период... л. 19 об.]

Пожар Москвы, разграбление Кремля, осквернение неприятелем древней столицы вызвало подъем патриотических чувств в народе. Не случайно известный русский поэт К.Н. Батюшков в 1814 г., вступив в составе русской армии в Париж, передает чувства

солдат и офицеров: «Слава Богу! Мы увидели Париж со шпагою в руках! Мы отомстили за Москву!» [Батюшков, с. 535]

С началом Отечественной войны 1812 г. вновь надел мундир и вступил в ряды русской армии Федор Николаевич Глинка. Автор «Писем русского офицера» родился в 1786 г. в Смоленской губернии, в селе Сутоки, в семье отставного капитана Николая Ильича Глинки. Воспитание получил в I Кадетском корпусе, который окончил в 1803 г., после чего был направлен в чине прапорщика в Апшеронский пехотный полк. С 1805 г. он становится адъютантом М.А. Милорадовича, участвует в наполеоновских войнах 1805–1807 гг. Ф.Н. Глинка — участник битвы под Аустерлицем, где сражается в штыковом бою. В сентябре 1806 г. он выходит по болезни в отставку и поселяется в родном имении, следит за ведением хозяйства и приводит в порядок свои записи военного времени.

Уже в июле 1812 г. он — в рядах тех, кто защищает от французов Смоленск, в составе дивизий генералов Д.П. Неверовского и Н.Н. Раевского. С документальной точностью и трагизмом он описывает сдачу древнего города. Глинка прошел всю войну, то отступая, то наступая с русской армией. После Бородинского сражения дошел до Тарутина, был непосредственным участником всех главных сражений: под Вязьмой, под Красным, под Малоярославцем. Освобождал родной Смоленск, принимал участие в заграничных походах 1813–1814 гг. За ратные подвиги Ф.Н. Глинка был награжден орденом Владимира IV степени, орденом Анны II степени, золотой шпагой с надписью «За храбрость».

Все письма, относящиеся к Отечественной войне 1812 г., первоначально печатались в 1812–1813 гг. в журналах «Русский вестник» и «Сын Отечества». Журнал «Русский вестник», сравнивая «Письма...» Ф.Н. Глинки с «Письмами русского путешественника» Н.М. Карамзина, отмечал, что если «Письма русского путешественника» «были песней соловья», то «Письма русского офицера» — «звуком оружия» [Глинка. Письма... с. 340]. Небывалая популярность «Писем...» была вызвана прежде всего самим жанром. Глинке удалось в полной мере показать национальный подъем, общегражданский пафос, вызванный войной 1812 г. Вместе с тем «Письма русского офицера» отличаются глубоко личностным восприятием действительности.

Главный герой «Писем...» — русский офицер, доблестно проявивший себя на поле брани. Из-под пера Глинки выходят портреты и военачальников, и рядовых воинов. Глинка называет подлинные имена и сообщает подлинные факты из жизни людей, с которыми его на войне сводит судьба. Автор описывает, например, героя 1812 г., командира бригады 3-й пехотной дивизии генерал-майора Александра Алексеевича Тучкова 4-го, погибшего во время отражения одной из неприятельских атак на Багратионовы флеши, когда со знаменем Ревельского пехотного полка в руках он вел бригаду в контратаку. Ему посвящены полные искреннего восхищения строки Глинки: «Видали ль вы, в портрете, генерала молодого, с станом Аполлона, с чертами лица чрезвычайно привлекательными? В этих чертах есть ум, но вы не хотите любоваться одним умом,

когда есть при том что-то высшее, что-то гораздо более очаровательное, чем ум. В этих чертах, особенно на устах и в глазах, есть душа! По этим чертам можно догадаться, что человек, которому они принадлежат, имеет (теперь уже имел!) сердце, имеет воображение; умеет, и в военном мундире, мечтать и задумываться! ... Но в живом разговоре о судьбе отечества в нем закипала особая жизнь. И в пылу загудевшего боя он покидал свою европейскую образованность, свои тихие думы, и шел наряду с колоннами, и был, с ружьем в руках, в эполетах русского генерала, чистым русским солдатом! Это генерал Тучков 4-й. Он погиб близ 2-го реданта. Под деревнею Семеновскою, у ручья, по названию Огника, под огнем ужасных батарей, Тучков закричал своему полку: «Ребята, вперед!» Солдаты, которым стегало в лицо свинцовым дождем, задумались. «Вы стоите? Я один пойду!» Схватил знамя — и кинулся вперед. Картечь расшибла ему грудь. Тело его не досталось в добычу неприятелю. Множество ядер и бомб, каким-то шипящим облаком, обрушилось на то место, где лежал убиенный, взрыло, взбуравило землю и взброшенными глыбами погребло тело генерала» [Глинка. Письма... с. 82].

Подвиг Александра Тучкова 4-го послужил прообразом подвига князя Андрея Болконского в эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир». Образ Тучкова 4-го запечатлен и в стихотворении Марины Цветаевой «Генералам 1812 года».

Рассказывает Глинка и о своих братьях: Григории, поручике Либавского пехотного полка, который храбро сражался, был ранен, заслужил любовь и уважение солдат, и Сергея, который в патриотическом порыве уничтожил свою французскую библиотеку. Много раз упомянут непосредственный начальник Глинки — генерал Милорадович.

Глинка приводил множество примеров мужества, героизма, человеколюбия, проявляемых русскими воинами. Он называет имена М.И. Кутузова, М.Б. Барклая-де-Толли, Н.Н. Раевского, П.П. Коновницына, П.И. Багратиона, М.С. Воронцова, П.А. Строганова. С нескрываемым восхищением автор отмечал, что и высшие офицеры неустрашимо бросаются в самое пекло и терпят наряду с простыми солдатами все тяготы военного быта, стойко перенося жажду, голод и холод.

Русские воины во всех сражениях Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов проявляли чудеса храбрости. Многие были награждены золотым оружием, российскими и иностранными орденами. Но не только военными подвигами русские офицеры оставили след в истории. Несмотря на все тяготы войны, они вели дневниковые записи и оказались первыми историографами того времени, проявили себя талантливыми писателями, запечатлевшими в поэтических и прозаических произведениях картины памятных событий. Отечественная война 1812 г. и заграничные походы 1813–1814 гг. оказали сильное эмоциональное воздействие на художественную литературу первой половины XIX в. Среди героев 1812 г. есть те, чьи творческие судьбы навсегда связаны с великой эпохой.

Одним из первых воспел подвиги русских офицеров в войне 1812 г. В.А. Жуковский, во время Отечественной войны вступивший в московское ополчение и участвовавший

в Бородинском сражении. В Тарутинском лагере он написал поэму «Певец во стане русских воинов», ставшую патриотическим гимном, впервые опубликованную в декабре 1812 г. и принесшую широкую известность ее автору. В «Певце...» Жуковский воспел практически всех прославленных военачальников и офицеров. Среди героев поэмы — М.И. Голенищев-Кутузов, А.П. Тормасов, Л.Л. Беннигсен, К.Ф. Багговут, П.А. Строганов, М.А. Милорадович, П.П. Коновницын, П.И. Багратион, Н.Н. Раевский, М.С. Воронцов, П.П. Пален, А.И. Чернышёв, Я.П. Кульнев, П.С. Кайсаров, Д.В. Давыдов, А.Н. Сеславин, А.С. Фигнер. Гимн стал выдающимся образцом поэтической публицистики, объединившим черты гражданственного классицизма и гражданственного романтизма. Популярность этого произведения была огромна. «Часто в обществе читаем и разбираем «Певца во стане», новейшее произведение г. Жуковского, — сообщает в «Походных записках русского офицера» И.И. Лажечников, — почти все наши выучили сию пиесу наизусть... Какая поэзия! Какой неизъяснимый дар увлекать за собой души воинов!» [Михайлов, с. 9] Автор «Воспоминаний о походах 1813 и 1814 гг.» А.Ф. Раевский еще в 1813 г. в беседе с К.Н. Батюшковым, вспоминая военные стихи Жуковского, прежде всего «Певца во стане русских воинов», замечал, что лишь непосредственный участник сражений может с полным успехом «живописать предстоящее взору или запечатленное в сердце» [Раевский, с. 29-30]. К образам русских офицеров — героев войны 1812 г. обращался Жуковский и в стихотворении «Бородинская годовщина», написанном в 1839 г.

По словам А.В. Архиповой, «война 1812 г. вызвала поток литературы, все литературные журналы откликнулись на происходящее» [Архипова, с. 130]. И можно согласиться с высказыванием историка литературы В.Ю. Троицкого, что «почти вся послекарамзинская русская проза создана героическими участниками и духовными наследниками эпохи 1812 года: среди них Константин Батюшков и Федор Глинка, Иван Лажечников и А. Бестужев-Марлинский, Антоний Погорельский и Михаил Загоскин, Орест Сомов, Рафаил Зотов, Василий Троицкий, Никита Фомин и многие другие — были известными прозаиками того времени» [Троицкий В.Ю. Тема... с. 164].

Литература

- Архипова А.В. Литературное дело декабристов. Л. 1987.
- Батюшков К.Н. Письма к Н.И. Гнедичу // Русская Старина. СПб. 1883. № 6. Биография или период жизни Маркиана Андреевича Войнова // ОР РГБ. Ф. 218. Картон 762. Д. 8. Л. 19 об.
- Глинка С.Н. Записки о 1812 годе. М. 1836.
- Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. М. 1985.
- Гросул В.Я. Общественное мнение в России XIX века. М. 2013.
- Дубасов И.И. О 12-м годе в Тамбовской губернии // Известия Тамбовской ученой комиссии. Вып. 22. Тамбов. 1899.
- Дутов Н.В. Ярославская губерния и Отечественная война 1812 года (формирование традиций жизни тыловых губерний в период вражеского нашествия) // 1812 год в судьбах России и Европы. Сборник трудов международной научной конференции. СПб. 2012.

- Жаринов Д.А.* Первые впечатления войны. Манифесты // Отечественная война 1812 и русское общество. 1812-1911. М. 1911. Т. III.
- Историческая память русского народа об Отечественной войне 1812 года. / А.В. Буганов, М.Г. Вандалковская, Л.А. Сидорова, А.Д. Соколова. Тула. 2012.
- Кутузов М.И.* Сборник документов. Т. IV. Ч. 2. М. 1955.
- Листовки Отечественной войны 1812 года. Сборник документов. М. 1962.
- Лобов В.Н.* Александр I и его военно-политическая деятельность. М. 2012.
- Мельникова Л.В.* Московская епархия в Отечественной войне 1812 года // Журнал Московской Патриархии. 2012. №10. URL: e-vestnik.ru/analytics/moskovskaya_eparhiya_v_voine_1812/#p16 (дата обращения: 03.10.2023).
- Мельникова Л.В.* Церковь и Православная Церковь Российской империи в эпоху наполеоновских войн. М. 2007.
- Михайлов О.* «Недаром помнит вся Россия...» // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М. 1987.
- Норов А.С.* Война и мир. 1805 — 1812 гг. С исторической точки зрения по воспоминаниям современников. По поводу соч. графа Л.Н. Толстого «Война и мир». СПб. 1868.
- Перовский В.А.* Из записок // Русский архив. 1865. № 3.
- Раевский А.Ф.* Воспоминания о походах 1813 и 1814 гг. М. 1822. Ч. 1.
- Рассказы о 1812 годе (отрывки из дневника Л.А. Лесли) // Смоленская старина. 1912. Вып. 2.
- Топычканов А.В.* Храм Рождества Христова в Измайлове: Очерк истории храма и прихода. М. 2008.
- Троицкий В.Ю.* Тема Отечественной войны 1812 года и формирование русского романтизма // Отечественная война 1812 г. и русская литература XIX в. М. 1998.
- Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. М. 1988.
- Чичерин А.В.* Дневник. М. 1966.

*Статья публикуется в рамках проекта
«"Сим победиши!" Российское общество и армия в моменты испытаний»,
реализуемого при поддержке Президентского фонда культурных инициатив.*